

захватов и ограждающая от них (равно как и от перехода недвижимости путем вечного и переписанного вновь эфитевзиса) церковь Константинополя (ей разрешалось обменивать эти имущества только в императорском ведомстве), то, само собой разумеется, что на практике подобные факты должны были иметь место довольно часто и казались правительству весьма опасными.

Выступая с притязаниями на те владения, которые находились в руках церквей и монастырей, представители светского, военного и служилого сословия, естественно, не могли быть довольны существовавшим в империи порядком вещей, при котором церковно-монастырское землевладение занимало привилегированное положение.

Отсюда понятно, что критика представителями угнетенных классов византийского общества церкви и монастырей (ведь именно среди народных масс вели свою пропаганду против церковного церемониала сторонники мусульманства, иудейства, здесь имели глубокие корни разнообразные „еретические“ течения) встречала полное сочувствие в рядах малоазийской военной знати. Эта критика как бы расчищала путь для осуществления ее собственных чаяний относительно церковно-монастырских владений, как бы открывала „законный“ путь для захвата земель и крестьян.

Опираясь на антиправительственные движения эксплуатируемых масс и подхватив некоторые из наиболее популярных лозунгов, разумеется выгодных с точки зрения собственных экономических интересов военно-служилого сословия, этот общественный слой выступает в начале VIII в. в качестве сторонника реформы церковного устройства. К такого рода реформе стремилась, однако, не только военно-служилая знать.

Некоторые наиболее дальновидные представители высшего клира не могли не видеть, что государство и весь общественный строй империи стоит накануне катастрофы. Чтобы сохранить существующий порядок вещей, при котором для них было бы обеспечено привилегированное положение, они также готовы были пойти на известные уступки — устранить некоторые наиболее явные и вопиющие недостатки, дискредитирующие церковно-монастырские учреждения в глазах народных масс. Они готовы были предпринять некоторые реформы в быте церквей и монастырей. На этот путь в очень осторожной форме встал уже и пято-шестой собор. Наиболее дальновидная часть клира позже заключила временный союз с иконоборцами. Характерно, что в конце VIII в. даже столь закоренелый противник иконоборчества, как Феодор Студит, будучи здравым и практичным политиком, стал на путь коренной реформы монастырского быта во имя спасения самого института монашества. Он потребовал, чтобы монахи руководимых им Студийского и Саккудионского монастырей работали и отказались от эксплуатации труда рабов.

Итак, военно-служилое сословие, заинтересованное в укреплении завоеванной им в лице Льва III императорской власти и борющееся поэтому против праздного монашества, сословие, ищущее популярности в народе для упрочения своего положения и добивающееся в то же время „узаконенных“ прав на передел земель, и часть клира, признающая необходимость реформы, — заключили между собой временный союз. Страх перед народными возмущениями, перед крестьянскими восстаниями, еретическими движениями при неустойчивости внешнего положения империи толкнул часть господствующего класса на путь уступок требованиям народных масс, на путь реформы.